

Капа фон Кааҗзебуу

О Боуи

1 - 4

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 1-4

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5311250

О войне (1-4) / Пер. с нем. А. К. Рачинского: РИМИС; Москва; 2009

ISBN 978-5-9650-0062-3, 978-5-9650-0061-6

Аннотация

Карл фон Клаузевиц – выдающийся прусский писатель, полководец и военный теоретик. Труд фон Клаузевица «О войне» произвел переворот в теории войны. Его книга отличается яркостью, четкостью изложения, а также резкой критикой в адрес многих военных событий. В своей работе он отводит большое место политике, ее влиянию на ход войны, зависимости ее исхода от силы и слабости отдельных политиков и полководцев. Недаром его знаменитая фраза «война есть продолжение политики иными, насильственными средствами» сохраняет актуальность и по сей день.

Содержание

Биография К. Клаузевица	7
Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию	13
Пояснения Клаузевица	19
О войне	26
От автора	26
Часть первая. Природа войны	29
Глава I. Что такое война?	29
1. Введение	29
2. Определение	29
3. Крайняя степень применения насилия	31
4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться	34
5. Крайнее напряжение сил	35
6. Мера действительности	36
7. Война никогда не является изолированным актом	38
8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени	39
9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного	42
10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия	43

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план	43
12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны	46
13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны	48
14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям	50
15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)	51
16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним не приложима	51
17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны	53
18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку	54
19. Частые паузы в развитии военных	55

действий еще более удаляют войну
от абсолюта, еще более ставят ее в
зависимость от оценки обстановки[10]

20. Таким образом, чтобы обратить
войну в игру, нужен лишь элемент
случайности, но в нем никогда
недостатка нет

56

Конец ознакомительного фрагмента.

57

Карл фон Клаузевиц

О войне. Части 1-4

©Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Выражаем искреннюю благодарность семье Рачинских и лично Наталье Андреевне Рачинской за согласие на издание перевода, а также за помощь в подготовке книги к изданию. Выражаем благодарность Зое Геннадьевне Лисичкиной, помощнику директора Музея-усадьбы «Абрамцево», а также правнуку Саввы Ивановича Мамонтова – Сергею Николаевичу Чернышеву за помощь в работе над книгой.

Биография К. Клаузевица

Карл фон Клаузевиц (1780–1831)

Карл фон Клаузевиц (*нем.* Carl Philipp Gottlieb von Clausewitz, родился 1 июня 1780 г. в местечке под названием Бург под Магдебургом, в семье чиновника) – известный военный писатель, произведший своими сочинениями переворот в теории войны. В 1792 г. был зачислен в прусскую армию юнкером, в 1793 г. принял участие в войне с Францией. **В 1801 г.** поступил в военное училище в Берлине.

После окончания училища участвовал в походе **1806 г.**, был назначен адъютантом принца Августа Прусского и вместе с ним захвачен в плен. В 1808 г. на него обратил внимание Г. фон Шарнхорст, глава военного министерства и председатель комитета по реорганизации армии, и назначил Клаузевица начальником своей канцелярии. Клаузевиц активно участвовал в подготовке к реорганизации армии и вскоре установил тесные дружеские отношения с А. Гнейзенау, будущим генерал-фельдмаршалом. **В 1810–1812 гг.** преподавал стратегию и тактику в Офицерском военном училище, начальником которого стал в **1818 г.** Позже слушал философию в Берлине у профессора Кизеветтера (кантовской школы), следы диалектических приемов которого заметны в теоретических трудах Клаузевица.

Был одним из авторов документа, в котором выдвигалась идея войны в союзе с Россией против Наполеона. Когда в **1812 г.** король Фридрих Вильгельм III, заключив союз с Францией, направил воинские контингенты для участия в

русской кампании Наполеона, Клаузевиц уехал из Пруссии и поступил на службу в русскую армию, где прошел путь от офицера связи до начальника штаба корпуса. К этому времени относится составление его записки об опасности союза с Францией, появившейся впервые в «Leben Gneisenaus» Пертца.

Сначала Клаузевиц был определен на службу к Карлу Пфулю, затем переведен в арьергард к графу Палену, в составе которого участвовал в бою под Витебском. Затем служил в корпусе Уварова, во время Бородинского сражения участвовал в рейде на французский фланг. После этого переведен в Ригу к маркизу Паулуччи, откуда попросился в 1-й корпус Витгенштейна. Когда Йорк вступил в переговоры с русскими, Дибич поручил ведение их Клаузевицу, который способствовал заключению Таурогенской конвенции. Будучи непосредственным участником многих событий войны, оставил мемуары, которые являются ценным источником для исследователей.

Затем он подготовил план образования восточно-прусского ландвера, по идее Шарнхорста. В 1813 г. был начальником штаба в корпусе Вальмодена; во время перемирия, по настоянию Гнейзенау, написал «Uebersicht des Feldzugs von 1813 bis zum Waffenstillstande».

В апреле 1814 г. вернулся на службу в прусскую армию, в чине полковника. В 1815 г. был назначен начальником штаба 3-го армейского корпуса. Принял участие в кампании Ста

дней. Сражался при Линьи и Вавре. При Вавре 3-й корпус смог притянуть к себе корпус Груши и тем содействовал поражению Наполеона при Ватерлоо. За отличия против Наполеона император Александр I 23 января 1817 г. пожаловал Клаузевицу орден св. Георгия 4-й степени (3304 по кавалерскому списку Григоровича-Степанова).

В XIX в. была широко распространена легенда о необыкновенных полководческих способностях Клаузевица. Согласно этому повествованию, Клаузевиц был категорически не согласен с позицией прусских войск под Йеной и нарисовал принцу Альберту и Шарнхорсту на доске, как следует разбить армию Наполеона. После боя доска в качестве трофея досталась Наполеону. Взглянув на чертеж, Наполеон якобы нахмурился и сказал: «Какое счастье, что мне не довелось сразиться с этим страшным человеком. Я был бы без сомнения разбит!» Официальных подтверждений эта легенда не имеет. Однако в первой половине XX в. кайзеровское и нацистское руководство всячески способствовало популяризации этой исторической легенды.

В 1818 г. произведен в генерал-майоры. В 1830 г. Клаузевиц был директором Всеобщего военного училища. В 1831 г., при выступлении прусских войск на польскую границу во время польского восстания, был назначен начальником штаба при фельдмаршале Гнейзенау.

Умер Карл фон Клаузевиц 16 ноября 1831 г. в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша), от холеры.

Сформулированные им стратегические принципы, необходимые для достижения победы, были с успехом применены Пруссией в войнах с Австрией в 1866 г. и с Францией в 1870 г. и легли в основу теории и практики подготовки и ведения военных действий многих других государств. Главный труд Клаузевица – «О войне» (1832).

Отличительные черты военно-исторических трудов Клаузевица – ясность изложения, меткая критическая оценка военных событий, причем, согласно его взглядам на войну («война есть продолжение политики иными средствами»), он отводит особое место политическому элементу и стремится выяснить, насколько судьба армий зависит от силы и слабости полководцев, которых Клаузевиц характеризует со свойственным ему блеском и талантом.

«О войне» – фундаментальный труд классика военного искусства. Клаузевиц много сделал для разработки теории военного искусства и его составных частей – стратегии и тактики; выступал против «вечных принципов» военного искусства, рассматривая явления войны в развитии. В то же время, он отрицал наличие закономерностей в развитии военного дела, утверждая, что война – это область случайностей, область недостоверного. Впервые в военной науке Клаузевиц четко сформулировал некоторые принципы ведения сражений, кампаний и войн в целом. Это полное напряжение всех сил, сосредоточение возможно больших сил на направлении главного удара, энергичное использование

достигнутых успехов, а также внезапность, быстрота и решительность действий. Существенным вкладом Клаузевица в военную теорию является также раскрытие роли моральных факторов в достижении победы. Основными моральными факторами Клаузевиц считал талант полководца, воинскую доблесть армии и дух комплектующего ее народа. Труды Клаузевица, изданные посмертно, составили целый этап в развитии военной мысли.

При написании этой статьи использовались следующие источники:

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона;

Сайт – <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/>;

Сайт – <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B0%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D>

Сайт – http://www.afor.ru/authors.php?aut_id=491;

Сайт – http://www.peoples.ru/military/commander/carl_clausewitz/index1.html.

Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию

Труд, которому должны предшествовать эти строки, почти исключительно занимал в течение последних двенадцати лет жизни внимание моего горячо любимого мужа; увы, его слишком рано лишились я и отечество. Закончить это произведение было заветной мечтой моего мужа, но он не собирался выпускать свой труд в свет при жизни; когда же я старалась склонить его к этому, он часто полушутя, а может быть, предчувствуя преждевременную кончину, отвечал мне: «Ты должна его издать».

С работой, занимавшей моего возлюбленного мужа, я не могла не быть ознакомлена во всех подробностях. Таким образом, никто лучше меня не может рассказать о том усердии и любви, с которыми мой муж отдавался труду, о тех надеждах, которые он на него возлагал, об обстоятельствах, сопровождавших зарождение труда, и наконец, о времени, когда он был создан. Богато одаренный дух моего мужа с ранней юности ощущал потребность в свете и правде. Как ни разносторонне он был образован, все же мысль его была направлена по преимуществу на военные науки, которые так необходимы для блага государства: здесь было его призва-

ние. Шарнгорст¹ первый указал ему правильный путь, а назначение в **1810 г.** преподавателем военного училища и приглашение дать первоначальное военное образование кронпринцу послужили новым толчком к тому, чтобы направить его усилия и стремления именно на этот предмет и изложить письменно мысли, созревшие в нем и получившие уже строгую определенность. Сочинение, которым он закончил в 1812 г. курс преподавания кронпринцу, уже содержит в зародыше будущие труды. Но лишь в 1816 г. в Кобленце он принялся снова за научную работу, используя опыт, приобретенный в течение четырех лет войны. Сначала он записывал свои мысли в форме кратких, слабо связанных между собой заметок. Помещаемая ниже недатированная заметка относится, по-видимому, к этому времени:

«В записанных здесь положениях затронуты, по моему мнению, главные начала, которые составляют то, что называется стратегией. Я вижу в них только материалы, но продвинулся в своей работе настолько, что готов приступить к слитию их в одно целое.

Эти материалы возникли без всякого заранее составленного плана. Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях те из важнейших пунктов по этому предмету, относительно которых я пришел к опреде-

¹ Шарнгорст фон Гергард, Иоганн-Давид (1756–1813), реформатор прусской армии. – *Ред.* (Здесь и далее примечания редактора первого издания.)

ленному выводу. При этом мне смутно рисовалась форма, в какой Монтескье обработал свой материал². Я полагал, что такие краткие и богатые оценками главы, которые я первоначально намечал назвать только зернами, достаточны, чтобы заинтересовать образованных, мыслящих людей как возможностью дальнейшего развития выводов, так и непосредственным их содержанием; при этом мне рисовался мыслящий и уже знакомый с предметом читатель. Однако моя природа всегда влекла меня к систематизации и логическому развитию мысли; в конце концов она и в данном случае одержала верх. Некоторое время мне удавалось заставить себя из тех заметок, которые я делал по отдельным вопросам, для того чтобы они для меня самого стали вполне ясными и определенными, извлекать лишь важнейшие выводы и, таким образом, сжимать свои мысли до небольшого объема; однако впоследствии специфический склад моего ума одержал окончательно верх: я приступил к развитию, по возможности, всех моих мыслей, и при этом мне, естественно, рисовался читатель, еще не знакомый с предметом.

Чем дальше развивалась моя работа и чем глубже я вникал в исследование, тем ближе подходил к систематическому изложению, благодаря чему стали появляться одна за другой главы моего сочинения.

Конечной моей задачей было еще раз проработать все сна-

² Клаузевиц имеет в виду известный труд Монтескье (1689/1755) «Дух законов». — *Ред.*

чала, придать более обстоятельную мотивировку прежде написанным статьям, свести анализ, заключенный в позднее составленных отделах, к определенному результату и, таким образом, создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том. При этом, однако, мне хотелось избежать всего заурядного, само собою разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного, ибо для меня было вопросом чести написать такую книгу, которую не забыли бы через 2—3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз».

В Кобленце, где у него было много дела по службе, он мог лишь урывками уделять немногие часы своим частным работам, и только в 1818 г., после назначения на должность директора военного училища в Берлине, у него оказалось достаточно свободного времени, чтобы раздвинуть рамки своего труда, обогатив его историей последних войн. Этот досуг примирял его с новой должностью, которая в других отношениях его не вполне удовлетворяла, так как, согласно организационной схеме военного училища, научная работа последнего не находилась в ведении директора, а руководилась особой учебной комиссией. Хотя он был и очень далек от всякого мелкого тщеславия, от всякого беспокойного эгоистического честолюбия, но испытывал потребность быть действительно полезным и не оставлять не использованными на деле те способности, которыми он был одарен. В практической жизни он не занимал такого положения, в котором

эта потребность могла быть удовлетворена, и мало надеялся, что ему когда-либо удастся занять такое положение; поэтому все его устремления направились в научную область, и целью жизни стала та польза, которую он надеялся принести своей книгой. Если, несмотря на это, в нем все более и более крепло решение, чтобы труд вышел в свет лишь после его смерти, то это служит лучшим доказательством того, что к его благородному стремлению достигнуть своим сочинением возможно более крупных и прочных результатов не примешивалось ни малейшего тщеславия, жажды похвалы и признания со стороны современников, ни тени каких-либо эгоистических побуждений.

Так он продолжал усердно работать до весны 1830 г., когда был назначен на службу в артиллерию. Его деятельность приняла совершенно иное направление и достигла такого напряжения, что первое время ему пришлось отказаться от всякой литературной работы. Он привел в порядок свои бумаги, запечатал в отдельные пакеты, снабдил их соответствующими надписями и с грустью простился с любимой работой. В августе того же года состоялся его перевод в Бреславль, где он получил вторую артиллерийскую инспекцию; но уже в декабре он был переведен в Берлин на должность начальника штаба при графе фон Гнейзенау (на время, пока фельдмаршал состоял главнокомандующим). В марте 1831 г. он сопровождал своего уважаемого начальника в Познань. В ноябре, после тягостной для него кончины последнего, он

вернулся в Бреславль. Здесь некоторым утешением для него была надежда приняться за свой труд и, может быть, закончить его в течение зимы. Однако 7 ноября он прибыл в Бреславль, а 16-го его уже не стало, и собственноручно запечатанные им пакеты были вскрыты лишь после его смерти.

Это посмертное творение ныне выпускается в свет в том виде, в каком он его оставил, без добавлений или изъятия хотя бы одного слова.

30 июня 1832 г.

Пояснения Клаузевица

Я смотрю на первые шесть частей, уже переписанных начисто, лишь как на довольно бесформенную пока массу, которая безусловно должна быть еще раз переработана. При этой переработке двойственность метода ведения войны будет очерчена резче, с уделением ей большего внимания. Таким путем все идеи приобретут более отчетливый смысл, определенное направление и приблизятся к практическому приложению. Двойственность метода ведения войны выражается в следующем. Целью войны может быть сокрушение врага, т. е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться некоторые завоевания у границ своего государства, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой.

Помимо этого фактического различия между типами войн, надлежит точно и определенно установить еще практически столь же необходимую точку зрения, что война есть не что иное, как продолжение государственной политики ины-

ми средствами. Если эта точка зрения будет всюду строго проведена, то она внесет большее единство в рассмотрение вопроса и поможет во всем легче разобраться. Хотя эта точка зрения найдет свое отражение главным образом в 8-й части этого сочинения, все же она должна быть подробно развита уже в 1-й части и принята в расчет при переработке первых шести частей. Благодаря такой переработке первые шесть частей освободятся от излишнего балласта, многие пробелы заполнятся и сгладятся, некоторые общие места отойдутся в определенные мысли и приобретут законченную форму.

7-ю часть «Наступление», для которой уже набросаны отдельные главы, следует рассматривать как отражение, рефлекс части 6-й. Она должна быть разработана в соответствии с указанной выше основной точкой зрения и не только не потребует новой переделки, но может послужить образцом для разработки первых шести частей.

Для 8-й части «План войны», трактующей об организации войны в целом, уже набросано несколько глав, которые, однако, даже нельзя рассматривать как проработанный материал; это лишь попытка вработаться в его массу, с тем чтобы только в процессе самой работы распознать, в чем заключается дело. Эту задачу я считаю разрешенной, и, закончив 7-ю часть, я намерен приступить к разработке 8-й, в которой обе указанные выше точки зрения должны отчетливо выступить вперед; они должны упростить и тем самым одухотворить всю мою систему взглядов. Надеюсь, что этой книгой

мне удастся разгладить кое-какие складки, образовавшиеся в мозгах стратегов и государственных людей; по крайней мере, она точно выяснит, о чем, собственно, идет речь и что следует учитывать при ведении войны.

Когда мне удастся путем разработки 8-й части установить полную ясность в своих мыслях и определить главные очертания войны, то мне уже не будет трудно отразить этот дух и эти очертания войны в первых шести частях. Поэтому я приступлю к переработке первых шести частей лишь после окончания 8-й.

Если преждевременная смерть прервет эту мою работу, то все, что здесь написано, справедливо может быть названо бесформенной массой идей; подвергшись превратным толкованиям, они могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков. В подобных случаях всякий воображает, что мысли, которые ему взбредут в голову, едва он возьмется за перо, достаточно хороши, чтобы быть высказанными и даже напечатанными, причем они кажутся ему столь же неоспоримыми, как дважды два четыре. Но если бы такой критик дал себе труд, подобно мне, в течение многих лет размышлять над этим предметом, постоянно сопоставляя ход мыслей с историей войн, то он проявил бы в своих замечаниях большую осторожность.

И все же, несмотря на незаконченность моего труда, я полагаю, что читатель, свободный от предрассудков, жаждущий истины и подлинного убеждения, найдет в первых ше-

сти частях плод многолетних размышлений и усердного изучения войны и, быть может, усвоит те основные мысли, из которых может возникнуть целая революция в общепринятой теории.

Берлин, 10 июля 1827 г.

Помимо этого пояснения между бумагами покойного оказался следующий незаконченный отрывок, по-видимому, написанный значительно позднее:

«Рукопись о ведении большой войны, которую найдут после моей смерти, в настоящем ее виде должна оцениваться лишь как собрание отдельных частей, из которых должна была быть построена теория большой войны. Большей частью своего труда я еще не удовлетворен, а 6-я часть может рассматриваться лишь как опыт; мне хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло.

Однако главные линии в обрисовке войны, господствующие в этом материале, я считаю правильными; они являются результатом всестороннего размышления с постоянным уклоном к практике жизни, с постоянным учетом того, чему научили меня опыт и общение с выдающимися военными деятелями.

7-я часть должна была заключать наступление, но пока это только беглые наброски. 8-я часть должна была содержать в себе план войны; в нее я предполагал включить особый разбор политической стороны войны, а также рассмотреть ее с точки зрения гуманности.

Единственной законченной я считаю I главу 1-й части. По отношению ко всему сочинению в целом она является указателем того направления, которого я намерен был держаться.

Теория большой войны, или так называемая стратегия, представляет чрезвычайные трудности, и можно с полным основанием утверждать, что немногие имеют об отдельных ее частностях представление ясное, т. е. доведенное до понимания зависимости, вытекающей из существующей между ними причинной связи. Большинство людей следует указаниям только интуиции³ и действует более или менее удачно, в зависимости от степени присущей им гениальности.

Так действовали все великие полководцы; в том и заключались отчасти их величие и гениальность, что у них был такт — всегда попадать в цель. Так всегда будет в области практической деятельности; для нее интуиции совершенно достаточно. Однако, когда стоит вопрос не об единоличных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность уловить внутреннюю связь рассматриваемых явлений. Но так как люди мало развиты в этом отношении, то большинство совещаний сводится к беспочвенным пререканиям, причем они заканчиваются либо тем, что каждый остается при своем мнении, либо соглашением, по которому одни уступают другим и останавливаются на среднем пути, по существу не

³ Мы переводим словом «интуиция», которого Клаузевиц не употреблял, выражение «такт суждения». — *Ред.*

имеющем никакой ценности.

Поэтому ясные представления в этих вопросах не бесполезны; кроме того, человеческому разуму вообще присуще стремление к ясности и установлению необходимой причинной связи.

Большие трудности, которые представляет такое философское наблюдение военного искусства, и многочисленные неудачные попытки его создать заставляют многих утверждать, что подобная теория невозможна, ибо речь идет о предметах, которые не охватываются каким-либо постоянным законом. Мы согласились бы с этим мнением и отказались бы от всякой попытки создать какую-либо теорию, если бы целый ряд положений не устанавливался с полной ясностью и без всякого труда, например: что оборона – более сильная форма войны, но преследующая лишь негативную цель, наступление же – более слабая форма, имеющая позитивную цель; что крупные успехи ставят в свою зависимость более мелкие и что поэтому стратегические воздействия можно свести к определенным главным ударам; что демонстрация представляет собою более слабое использование сил, чем действительное наступление, а потому она является допустимой лишь при наличии особых условий; что победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в физическом и моральном сокрушении вооруженных сил противника, достигаемом большей частью лишь преследованием после выигранного сражения, что успех бывает наиболь-

шим на том направлении, на котором одержана победа, а потому переброска с одной линии и с одного направления на другие может рассматриваться лишь как необходимое зло; что обход может оправдываться только превосходством над противником вообще или превосходством наших линий сообщения или путей отступления над неприятельскими; что фланговые позиции обуславливаются тем же соотношением, что каждое наступление по мере продвижения вперед ослабляет себя».

О войне

От автора

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому, как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве — реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый ко-

лос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев⁴.

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избитыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров:

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома сто-

⁴ Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу войны, дело обстоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рассуждениях *pro et contra* (за и против) они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. (Прим. 1-го немецкого издания) Это примечание во 2-м немецком издании (1853 г.), с которым сверялся настоящий перевод, заканчивается словами: «уничтожают друг друга». Сравнение с пожирающими друг друга львами опущено. — *Ред.*

ит вправо от левой стены и так как огонь в свою очередь находится вправо и от этой стены и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену, когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то, чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общения с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть первая. Природа войны

Глава I. Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть сначала отдельные элементы нашего предмета, затем его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь, больше чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны); в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступить с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент – единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физическо-

го насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостоять насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в сущности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является *средством*, а целью⁵ будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

⁵ В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным удержать их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц здесь употребляет слово «Zweck», а во втором «Ziel». Как ни близки эти оба слова к русскому «цель», однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины «политический смысл войны», «конечный результат военных действий». – *Ред.*

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могли бы, пожалуй, вообразить, что обезоружить и сокрушить противника можно искусственным образом, без особого кровопролития и что к этому именно и должно было бы стремиться военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия, и нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно, из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства.

Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимны-

ми отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны, а является привходящим извне. Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного *намерения*. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем, часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанные с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоций, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком. Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому в каждом отдельном случае это различие может и не иметь места, но в большей части случаев оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут *воспылать взаимной ненавистью*.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну меж-

ду цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе соотношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны⁶ излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда бывает ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит оттого, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры несколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии вой-

⁶ Подразумеваются наполеоновские войны. — *Ред.*

ны стремления к истреблению противника.

Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что цель военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем та жертва, которую мы от него требуем при этом; конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ставить противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере тако-

во должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая страна, это — полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня, следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую их ему. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя пред-

ставляет собою результат двух тесно сплетающихся факторов: *размера средств, которыми он располагает, и его воли к победе*⁷.

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы оцениваем наши силы и стремимся достичь перевеса их или же, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии стремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые за-

⁷ В подлиннике – «сила воли». – *Ред.*

ложены в них самих. Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами мы непременно впали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжным измышлением, не имеющим никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы необходимость в такой усиллии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в случае:

1) если бы война была абсолютно изолированным актом, возникающим совершенно внезапно и не связанным с предшествующей государственной жизнью;

2) если бы она состояла только из одного решающего момента или из ряда одновременных решающих актов;

3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение и на нее не оказывал бы влияния заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-

то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня⁸. Война не возникает внезапно; ее распространение (Verbreitung) не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из двух противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигает предела абсолютно лучшего, и, таким образом, проявления недочетов с обеих сторон служат умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы исход войны зависел только от одного решающего момента или от нескольких одновременных решающих актов, то все приготовления обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение

⁸ В оригинале буквально: «она проявляется в том, чем она будет завтра, в том, чем она была сегодня». — Ред.

войны заключается в ряде последовательных актов, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилom для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или в нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудачное решение неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы невысказуемо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы – собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того, что

она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр. – словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда союзники окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может служить ос-

нованием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия: ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то, что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предложением и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона допускает вследствие своей слабости, служат объективным основанием для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями. Насколько та-

кой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, — ясно само собой.

10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. Данные, вытекающие из явлений действительной жизни, подвергаются оценке на основе законов вероятности. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия ожидаемого неизвестного будут служить действительные явления.

На основе состояния, характера и положения противника каждая из борющихся сторон будет строить, руководствуясь теорией вероятности, свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема,

которую мы уже рассматривали (§ 2): *политическая цель войны*. Закон крайности – намерение сокрушить противника, лишить его возможности сопротивляться, – до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности теряет в своей силе, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение нужного напряжения сил представляет собою лишь расчет вероятностей, основывающихся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна быть весьма существенным фактором в этом комплексе. Чем меньше та жертва, которую мы требуем от нашего противника, тем, вероятно, меньше будет его сопротивление. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения, а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилom как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Так как мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, то и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений обоих государств. Одна и та же политическая

цель может оказывать весьма одинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например, завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет сама по себе пригодна для того, чтобы служить выражением цели военных действий. Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивиду-

альные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Бывают случаи, что только ею одной определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней, и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения. Последнее приводит нас к новому вопросу, который нам предстоит еще развить и дать на него ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная

военными действиями, — может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это — вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем *продолжительностью действия*. Последняя может быть большей или меньшей в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что желает потратить на него больше времени, а потому, что это свойственно его природе, и при спешке он выполнил бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию на войне предоставим свойственную ему продолжительность, то будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна. При этом не следует забывать, что здесь речь идет не о продвижении вперед одного или другого противника, а о поступательном ходе военных действий в целом.

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготовились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, что *последняя хочет выждать более благоприятного времени для действия*⁹. На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из сторон, ибо оно *so ipso* (тем самым) становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного – действовать, в интересах другого – выждать.

Полное равновесие сил не может вызвать приостановки в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (нападающая), должна продолжать наступление.

Наконец, представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого политическая цель войны положительная, а следовательно, имеется более сильный мотив наступать, в то

⁹ Клаузевиц употреблял термин не «операция», а «действие». – *Ред.*

же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побуждать другую приступить к действиям. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий, и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получить нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в действиях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом, у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь, конечно, предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее и придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности действий возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

Однако мы знаем, что военные действия редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий вполне возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Представляя себе интерес одного *полководца* как величину, *всегда противоположную* интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной *полярности*. Намереваясь в дальнейшем посвятить этому принципу отдельную главу, мы здесь скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу, лишь когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга безусловно уничтожают. В сражении и та и другая сторона желает победить; это – подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собою общую связь, лежащую вне их, то полярны между собою не эти явления, а их отношения.

16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним не приложима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно – нападение на противника, и не было бы обороны, или,

иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в двух формах – наступлении и обороне, – которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и не равны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес *А* заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес *Б* сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах *Б* было бы теперь напасть на *А*; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии войны

Раз оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос, настолько ли выгодна отсрочка решения для первой стороны, насколько выгодна оборона для второй? Где этого нет, там противоположности не уравниваются, и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Итак, мы видим, что побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недейственной.

Таким образом, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, тем не менее, настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет хотя бы и в этом неблагоприятном будущем вести оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как, по нашему убеждению, превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинства пауз в развитии военных

действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее будут паузы вследствие различной силы двух форм борьбы (нападения и обороны). Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет, не имея вполне достоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и вследствие этой ошибки полагать, что наступил момент для действий противника, в то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разумения обстановки может, конечно, вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как одна из естественных причин, отнюдь не противоречащих природе войны и могущих приостановить ход военных действий. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать

силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз в свою очередь вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени уменьшают до известной степени интенсивность ведения войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия. Чем напряженнее было положение, из которого возникла война, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы, и, наоборот, паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу, и продуктом последней.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта, еще более ставят ее в зависимость от оценки обстановки¹⁰

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще

¹⁰ Термином «оценка обстановки» мы заменяем слова оригинала «расчет вероятностей», давно вышедшие из употребления и затрудняющие понимание современному читателю. – *Ред.*

и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее и дальше забирается в будущее действующая сторона в своих предположениях; развитие войны будет меньше приближаться к черте крайности, и все будет строиться на оценке обстановки и вероятностях. Для оценки обстановки в данных условиях требуемого самой природой конкретного случая быстрый или медленный ход военных действий дает больше или меньше времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в *игру*; это – *случай*. Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.